

Без слов

Всего зафиксировано было на пленку текстов песен, реплик, монологов, речи Ленина и др. свыше 10.000 слов. Вошло после монтажа и окончательной отделки в фильм около 1300 слов (1070 на русском и остальные на других языках). Тем не менее Герберт Уэллс¹ заявил: «Если бы Вы мне не перевели ни одного слова, я понял весь от первого до последнего кадра. Все мысли и нюансы этого фильма входят в меня и действуют на меня помимо слов».

На наше замечание, что самые сильные по своему смыслу и своей выразительности моменты, как, например, выступление ударницы Днепростроя или речь руководительницы колхоза, пропали для Уэллса (так как здесь все дело в особенностях построения монолога, в акценте, в некоторых синтаксических неправильностях и т. д. Уэллс горячо возразил, что он все понял, что до него доходит искренность, правдивость, жизнерадостность этих говорящих людей, что их неловкие жесты, игра глаз, смущение в лице и другие детали позволяют ему читать их мысли, и он не ощущает никакой потребности в переводе ему этих слов.

Примерно то же говорили приглашенные на просмотр японцы, американцы, англичане на мое предложение после окончания просмотра сообщить текст всех непонятных мест (переводчиков не было) последовали такие же возражения, что непонятных мест нет и что все мысли фильма во всех его мельчайших эпизодах доходят помимо слов. Так же было и на всех остальных просмотрах, когда смотрели немецкие шведские и французские писатели

Значит ли это что вся работа по текстам, по речам и т. д. была проделана напрасно и что эти 1300 слов можно из звука и изображения выбросить? Конечно, не в этом дело. Дело только в том, что изложение «3^х песен» идет не по каналу слов, а другими путями по линии взаимодействия звука и изображения, по равнодействующей многих каналов идет глубинными путями, иногда выбрасывая на поверхность десяток слов. Движение мыслей, движение идей идет по многим проводам, но в одном направлении к одной цели. Мысли бегут с экрана, проникая в сознание зрителя без перевода в слова. А у написанных и сказанных слов в фильме своя контрапунктическая дорога. Перед нами большой симфонический оркестр мыслей, где катастрофа с одной из скрипок или виолончелей не прекращает концерта. Ток мыслей продолжается даже в том случае если оборван один из сплетенных между собой проводов.

По этой же причине до сих пор плохо удавались все попытки рассказать этот фильм словами.

Он настолько отличается по своей конструкции от обычного вида фильмов, что словесное изложение содержания представляется задачей трудной, особенно если речь идет не об одностороннем, а о многостороннем изложении фильма. Содержание «3^х песен» разворачивается спирально: то в звуке, то в изображении, то в голосе, то в надписи, то без участия музыки и слов, одними выражениями лиц, то внутрикадровым движением, то столкновением одной группы снимков с другой группой, то ровным шагом, то толчками от темного к светлому, от медленного к быстрому, от усталого к бодрому, то шумом, то немой песней, песней без слов, бегущими мыслями от экрана к зрителю без того, чтобы зритель-слушатель переводил мысль в слова.

Фильм этот плохо переводится на язык слов, хотя на своем образном языке он легко общается с любой массовой аудиторией.

С одной стороны — это кинодокументы о смерти Ленина, о последних 40 километрах, о последнем пути Ленина из Горок в Москву: с другой стороны — это Ленин в движении на киноплёнке, сводка кинодокументов, сохранившихся о Ленине, наше кинонаследство о Ленине.

С третьей стороны — это внутренний монолог идущего из старого в новое, из прошлого в будущее, от рабства к свободной культурной жизни, раскованного революцией человека.